





Николай Попов

Политическая культура. Какой смысл мы в это понятие вкладываем? Если только степень политической грамотности населения, реальный интерес к политике и вовлечение промоходящих в обществе процессов, то это будет скорее «политическая культурность». Ну а если смотреть на вещи шире? Тут мы никак не обходимся без характеристики того, как реально устроены в действующих политических институтах общества, как участвуют люди в политической жизни, то есть как они взаимодействуют с властью. Ну и, разумеется, каковы массовые представления о политике, идеалах и ценностях, предрасудки и иньфы? Речь идет об устоявшихся и долгосрочных политических традициях, вовлеченных в политическую практику.

В эпоху безгласия особенно раздражала думавших сограждан как раз невозможность реально анализировать политическую жизнь страны, говорить правду о том, кто мы, что стрелян и куда идем. Даже в первом оттенке 60-х годов отголоски правды не распространялись на саму политическую систему. Здесь возможно было только «альтернативное совершенствование...». Так и оказалась политическая жизнь той сферы, где до последнего времени официальная книжная идеология была дальше, чем где-либо, оторвана от реальной действительности. Хотя именно здесь нужны нам больше всего правда и истина.

**КЛЮЧЕВЫМ** вопросом в истории всякого общества является вопрос о политической власти — кому она принадлежит и как реализуется? Именно здесь укоренялся упрощенно-учебниковский подход в капиталистических государствах власть принадлежит буржуазии, у нас — народу. Этим будто бы все сказано, в то время, кол, сфера историков и юристов. Однако буржуазная Греция как небо из земли отличалась от буржуазного Чили. Другие западные страны дают широкий спектр различий в зависимости от распределения влияния между разными слоями общества, интенсивности массовых движений, политической активности населения. И в социалистических странах вопрос о структуре власти не менее важен! Он определяет весь стиль общественной жизни. Как же складывалась эта структура в нашей стране?

Ответить на этот вопрос необходимо, ибо одна из наших политических традиций — неистребимая тяга к концентрации власти. Восходит ли она к Ивану Грозному или к Петру Первому, но в советское время эта тенденция сыграла важнейшую роль в нашей истории. Безусловно, она помогла совершить революцию и победить во время гражданской войны и интервенции. Но как же случилось, что в мирное время диктатура пролетариата, предназначавшаясь прежде всего для ликвидации сопротивления буржуазии, превратилась, будущий говорить, в диктатуру верхнего звена администрации?

Давно известно — всякая власть имеет свойство нарастать, как снежный ком. Однако давно известны и пути ее ограничения: еще с античных времен и эпохи Возрождения они виделись в законности власти и разделении ее на законодательную, исполнительную и судебную.

#### Как понимал эту проблему Ленин

ОПИРАЯСЬ на опыт Парижской коммуны и созданных в революции 1905 года Советов, он видел залог демократии нового типа именно в Советах. И не случайно мысль о масштабном участии трудящихся в работе Советов, «головоломном» участии народа в управлении методично разыгрывается Ленинским во многих работах. Он возвращается к ней вновь и вновь, называет и модель будущего самоуправления. «Важнейшей гарантией демократии — Советы предполагалась истинная свобода их выборов, без бюрократических формальностей и ограничений, когда «массы» сами определяли порядок и сроки выборов, при полной свободе от отзыва «выбранных». На национальном уровне, как известно, после роспуска право-серского Учредительного собрания высшим органом государственной власти стала съезд Советов, а в период между съездами — избираемый на съезде ВЦИК. Съезды или ВЦИК избирались правительство — Совнаркомом.

С самого начала деятельности этих органов четкого деления их функций на законодательные и исполнительные не было. Ленин неоднократно подчеркивал, что Советская власть совершилось буржуазного парламентаризма, где выбранные представители становятся приватизированными кастами. Именно право отзыва депутатов в любое время в нарушение функций власти должно было гарантировать их динамичность и проверяемость народом. И на практике больше законов принимал Совнарком, чем ВЦИК, хотя законодательная деятельность все же закреплялась за «советским парламентом».

Многие наши политические нормы и обычай формировались в те короткие пять лет, когда во главе страны стоял В. И. Ленин. Условия гражданской войны диктовали и временные, чрезвычайные меры для спасения республики. После установления политической оппозиции — меньшевиков и левых эсеров и других политических группировок — руководство партии в стране стало во многом единым. Авторитет В. И. Ленина был неизменно, в временных отклонениях от провозглашенных правил и конституционных норм опровергался тем, что «Ленин в курсе дела», «Ленин контролирует ситуацию». В нарушение Конституции и Совнарком принимал законы, но ведь Председатель Совнаркома Ленин, так что какое это имеет значение, потом склеротизируем. Ленин был и признанным вождем партии. Никому из его соратников не приходило в голову сказать, что «старик» спрятался в своих руках слишком большую власть. Или что функции высших руководящих органов смешаны, в механизме контроля против концентрации власти нет. Мудрость Ленина, ее теоретический ум, редкий дар политика и организатора служили гарантами против злоупотреблений властью в верхнем эшелоне. К тому же в будущем предполагалось введение более упорядоченного управления, основанного на законах, а не чрезвычайных мерах.

А таких чрезвычайных мер было немало. Возможные правосудие «временное», без закрепления в Конституции судебные органы были созданы самим конституентом, не имеющим права «правосудия» самим, более тем, чем их независимости. Первым же декретом о судебной системе прокуратура и мониторинг за соблюдением законов со стороны юридических органов были упразднены. Суды создавались местными Советами, а судьи назначались на основе политических критериев, обладающими преимуществом перед правосудием, обладающими неограниченным возможностями выносить приговоры, включая расстрел. Суд был быстрее и надежнее. Необходимым было первое пространство для противостояния существующим интересам через народ, а не для бессовестной машины, которая была защищена для расправы внутри партии, для подавления всякого независимства в стране.

Одной из важных черт этого периода было отсутствие регламентации роли партии в руководстве страной. Ведь многое казалось само собой очевидно. Большевики взяли в свои руки власть — они и стали правящей партией. «Наша партия — правительственный партия», — говорил В. И. Ленин, — и то постановление, которое вынесет партийный съезд, будет обязательным для всей республики...» Стратегия борьбы диктовала свое. Надо было превратить партию подпольщиком в партию массового — привлекаться притоком в ее ряды рабочих. Затем в повестке дня задача организовать партию от авантюристов в карьеристов — практиковаться чистки ее рядов и ограничения приема. А необходимость борьбы с другими партиями, не согласными с планами большевиков и их лидерством?

#### БОЛЬШЕ ДЕМОКРАТИИ — БОЛЬШЕ СОЦИАЛИЗМА



Николай Петрович Попов, директор Института науки о человеке и социологии Института США и Канады АН ССР. Сфера его деятельности — изучение общественного мнения, политическое образование, политическая миссия, в управлении. Последнее время занимается сравнением политических культур СССР и США, изучением общественного мнения, Читатель нашей газеты хорошо помнит его статью «Глас народа» («Условия демократии», «Права человека и членство в обществе»), в которой пользовалась им.

Чем вызвалась статья пристальному интересу автора и сотрудников Института? Ответ на этот вопрос очевиден: революционность преобразований в нашем обществе не может не волновать его как ученого, как гражданина.

Нет, не случайно в последние годы жизни Ленин все чаще писал об опасности бесконтрольной власти партийных и государственных органов. Не случайно он постоянно возвращается к вопросу о работе, всенародном контроле: «Масса должна иметь право выбирать себе

Должно ли руководство партии стать особым органом власти, стоящим над всеми другими органами управления? Если ЦК — особым органом власти, то как его контролировать? Можно ли оспорствовать его решение на неконституционность? Кто несет ответственность в случае провала декретированного мероприятия? Если это высший орган фактически руководит всей страной, то не должен ли весь народ выбирать этот орган? Ответов на эти вопросы не было в первой Конституции 1918 года. Нет их и в последующих конституциях. Ни в первые годы Советской власти, ни постепенно определение функций различных органов власти не становилось темой широкой всенародной дискуссии.

Нет, не случайно в последние годы жизни

Ленин писал о необходимости изучения истории, чтобы изучить прошлое, чтобы изучить будущее. Ответ на этот вопрос очевиден: революционность преобразований в нашем обществе не может не волновать его как ученого, как гражданина.

Быть ответственным руководителем. Масса должна иметь право санкционировать каждый шаг их деятельности». При этом проверять такое зло, как отрыв комичек от массы, чтобы искоренять наследство военного коммунизма — замкнутость коммунистов от массы, чтобы искоренять наследство военного коммунизма — замкнутость коммунистов в узком кругу «правильщиков». Выход из этого в привлечении честных беспартийных на более крупные посты при контроле коммунистов. И наоборот, считал важным привлекать «испытанных по своей честности беспартийных рабочих и крестьян» в Рабоче-Крестьянскую инспекцию.

А вот что пишет он в 1922 году накануне XI съезда партии: «Наконец, необходимо разграничить гораздо точнее функции партии (ЦК ее) и Совнаркома; повысить ответственность за партией оставить общее руководство работой всех госорганов вместе, без теперешнего слишком частного, неперегулярного, часто мелкого вмешательства. Тревога вождя нам сегодня понятна.

Если при Ленине недостатки системы управления компенсировались его прозорливостью и гибкостью, то руки его преемников это несомненно не стало трагическим.

Как понимал эту проблему Сталин

ПОСЛЕДНЕЕ предсторожение об опасности бесконтрольной концентрации власти было сделано В. И. Лениным в «Письме съезду», где он пишет о том, что генеральный секретарь сородичами в своих руках необъятную власть. Беда в том, что все имеющиеся структуры этому не препятствовали... Когда никто не регламентировал обязанности секретаря ЦК, И. Сталин, пользуясь занятостью, а затем болезнью Ленина, прибрал к рукам все большую контроль над партией. Сначала над партией.

Ленин слишком рано ушел из жизни. Продлился хотя бы еще два года его руководство страной, эти два года в условиях изоляции от мира, в которых генеральный секретарь сородичами в своих руках необъятную власть. Беда в том, что все имеющиеся структуры этому не препятствовали... Когда никто не регламентировал обязанности организаторов правосудия и не диктовал, «Тройни» стали пародией на суд. Вдумаемся — были отброшены даже те нормы, которых прогрессы, некогда привлекавшие силами удалось добиться в царской России.

Методы Сталина тиражировались в обществе по горизонтали и вертикали. Их копировали партийные, советские, хозяйствственные организации. Концентрация власти нарастала. О какой критике, гласности, реальной выборности организаторов власти, участии народа в управлении, контроле, обсуждении политики могли идти речь, кроме единодушного одобрения? Стalinские методы мертвят сегодня как систему личной диктатуры и массовых репрессий, но они еще весьма живучи как антидемократическая норма. Маленькие блеклые стalinцы еще существуют среди нас — будь то начальник доуправления или секретарь обкома. Многие вспомнят, наверное, недавних лидеров и методы их руководства в Узбекистане и Казахстане, однако они есть не только в чистом виде.

Ведь система такой власти насаждалась де-

сятилетиями, ее невозможно сменить за несколько лет. Это прошлое, но прошлое пока живое. Дело уже не в личных качествах того или иного руководителя. Чтобы искоренить нормы волонтеризма, борократизма, догматизма из нашей политической культуры, надо не просто заменить руководителей, воспитанных на старой вере, надо ломать окостеневшую систему — часто проще поставить новую избу, чем заменить прогнившее дерево.

#### Как поднимает эту проблему перестройка

МНЕ КАЖЕТСЯ, многие волнующие нас вопросы появляются в воздухе, если не пересмотреть конституционное обоснование и регламентацию функций и прерогатив различных институтов государства и управления.

Чувствидно, начинать надо с определения в условиях перестройки роли партии. В Конституции сказано, что Коммунистическая партия является «руководящей и направляющей силой советского общества», «руководит великой созидающей деятельностью советского народа». Как это руководство отличается от руководства других институтов? В Уставе партии сказано четко: областной территориальный орган партии является руководством Советами народных депутатов, через коммунистов, работающих в них, распространяется и на судебные органы и прокуратуру и выливается в жесткий административный контроль райкома, горкома или обкома над всеми организациями района или области. Любой «законник» в случае несогласия с указаниями «сверху» мог попасть «на ковер», а то и в партбункер лишиться. Не противоречит ли такой контроль

самодельные организации должны обрести реальную возможность защищать своих членов. Кстати, и в суде, пользуясь помощью не случайных адвокатов, а организованных в объединения юристов — защитников перестройки в прямом и переносном смысле.

Один из кардинальных вопросов — перестройка аппарата управления. Перестройка — дело прежде всего политическое. Ведь речь идет о смене одной политической культуры другой, о политической власти — об отстранении от нее касты, воспитанной на бесконтрольности и вечности приходивших с ней привилегий. Сама она не уйдет, измениться для них значит отказаться от привычного стиля жизни. Они могут минимизировать в расчете на возврат к старым порядкам. Могут прикрыться перестройкой демагогией. Или... потерпев новаторов не пойдут, но и дело двигать вперед не потолкуются...

Приступая к строительству нового общества, Ленин больше всего описал именно обновление революции, такого прибранием и руками реального контроля управляемых аппаратом. По его мысли, государство нового типа должно отличаться от передовых парламентарных республик, где реальное управление осуществляется «чиновничеством, фактически несменяемое, привилегированное, стоящее над народом». В proletарском государстве эта традиционная машина должна быть разбита и заменена «новыми, народными, т. е. истинно демократическими аппаратами Советов».

Наконец же сложным делом оказалось это в неграмотной, отсталой стране! В 1923 г. Ленин отмечал: «Дела с госаппаратом в нас до такой степени печальны, чтобы не сказать отвратительны, что мы должны начать подавать властную, каким образом бороться с недостатками его...» Среди этих «недостатков» — классические симптомы бюрократизма. По словам Ленина, «в области чиновничества, соблюдения форм и образцов» — «революционность» сменяется «слонами захлестнутыми рутинностью». Многие новые администраторы не находили путей борьбы с растущей силой чиновников: «...громадный процент коммунистов не умеет пользоваться советскими законами по борьбе с волокитой, бюрократизмом или с таким истинно русским явлением, как взяточничество».

С гневом обличая Ленина обособление аппарата от управляемой массы, уверенность в том, что все задачи можно решить «коммунистическим декретированием». В сталинскую эпоху властные органы становились «захлестнутыми» чиновничеством, чтобы не сказать отвратительными, что мы должны начать подавать властную, каким образом бороться с недостатками его...» Среди этих «недостатков» — классические симптомы бюрократизма. По словам Ленина, «в области чиновничества, соблюдения форм и образцов» — «революционность» сменяется «слонами захлестнутыми рутинностью». Многие новые администраторы не находили путей борьбы с растущей силой чиновников: «...громадный процент коммунистов не умеет пользоваться советскими законами по борьбе с волокитой, бюрократизмом или с таким истинно русским явлением, как взяточничество».

Во времена Ленина аппарат энергично обновлялся. В сталинскую эпоху «обновление» тоже шло — лучшая часть аппарата периодически уничтожалась. Вообще принцип перетасовки кадров Сталина считал гарантой своей стабильности. В 60-е и 70-е годы система стала замкнутой, аппарат еще больше разбил и оторвался от массы управляемых, превратившись в чиновничью машину. Лучшие его представители, новаторы, пытающиеся по совету Ленина внедрить научную организацию в управление, применить систему Тэйлора или пытающиеся оставить общее руководство работой всех госорганов вместе, без теперешнего слишком частного, неперегулярного, часто мелкого вмешательства. Думается, отказ от старых традиций «вычищавших» бюрократии, особо выделявшихся комбайном руководителей, в последовавшие десятилетия аппарачатами доведен до совершенства систему защиты, выработав «золотые правила», помогающие удержаться в кресле. Угодничество, никакая иннициатива, все действия только по указанию сверху, по инструкции, жестокость и индексация, никакого послабления или критики. В сталинскую эпоху особенно разилась жестокость, антигуманность управления.

Во времена Ленина аппарат энергично обновлялся. В сталинскую эпоху «обновление» тоже шло — лучшая часть аппарата периодически уничтожалась. Вообще принцип перетасовки кадров Сталина считал гарантой своей стабильности. В 60-е и 70-е годы система стала замкнутой, аппарат еще больше разбил и оторвался от массы управляемых, превратившись в чиновничью машину. Лучшие его представители, новаторы, пытающиеся по совету Ленина внедрить научную организацию в управление, применить систему Тэйлора или пытающиеся оставить общее руководство работой всех госорганов вместе, без теперешнего слишком частного, неперегулярного, часто мелкого вмешательства. Думается, отказ от старых традиций «вычищавших» бюрократии, особо выделявшихся комбайном руководителей, в последовавшие десятилетия доведен до совершенства систему защиты, выработав «золотые правила», помогающие удержаться в кресле. Угодничество, никакая иннициатива, все действия только по указанию сверху, по инструкции, жестокость и индексация, никакого послабления или критики. В сталинскую эпоху особенно разилась жестокость, антигуманность управления.

Во времена Ленина аппарат энергично обновлялся. В сталинскую эпоху «обновление» тоже шло — лучшая часть аппарата периодически уничтожалась. Там выбирался из сорокати партийных кандидатов, и председатель Наркомата. Стала считать гарантой своей стабильности. В 60-е и 70-е годы система стала замкнутой, аппарат еще больше разбил и оторвался от массы управляемых, превратившись в чиновничью машину. Лучшие его представители, новаторы, пытающиеся по совету Ленина внедрить научную организацию в управление, применить систему Тэйлора или пытающиеся оставить общее руководство работой всех госорганов вместе, без теперешнего слишком частного, неперегулярного, часто мелкого вмешательства. Думается, отказ от старых традиций «вычищавших» бюрократии, особо выделявшихся комбайном руководителей, в последовавшие десятилетия доведен до совершенства систему защиты, выработав «золотые правила», помогающие удержаться в кресле. Угодничество, никакая иннициатива, все действия только по указанию сверху, по инструкции, жестокость и индексация, никакого послабления или критики. В сталинскую эпоху особенно разилась жестокость, антигуманность управления.



## РУССКАЯ ТЕРРАКОТА

Выставки шедевров можно назвать скульптурной экспозицией, открывшейся в Русском музее. Коллекция терракотов, созданные выдающимися мастерами «золотого века» русской пластики, — ценившийся раздел собрания. Два произведения конца XVIII века представляются на выставке Третьяковской галереи.

Обожженная глина — один из самых древних материалов. Периоды наибольшего увлечения во совпадали, как правило, с расцветом искусства скульптуры. И это не случайно. У терракотов многое превосходит — мягкая и пластичная глина фиксирует вдохновенное рождение образа, исковы жизней и трепетных лепки, красный теплый цвет придает произведению эффективность и определяет эстетическую законченность. Вместе с тем есть в ней и свои секреты — глина усасывает или уплотняет, меняет при обжиге не только тон, но и объемы. От скульптора требуются большие пластические культуры, мастерство, тонкое чувство материала.

До наших дней сохранилась лишь небольшая часть работ, которые украшали некогда известные художественные собрания. В основном обожженная глина использовалась для экспозиций, но уровень их исполнения был настолько высок, что они ценятся знатоками наравне с произведениями в мраморе или бронзе. На первые устроенные выставки показано около тридцати памятников ученых экспонатов.

Редкой образной силой и пластической выразительностью отличаются этюды М. Козловского на темы Троицкой войны, античной мифологии. Виртуозная техника, полнокровные ощущения радости бытия привлекают сложнейшие композиции И. Прохорова, посвященные вечной теме единства человека и природы. Тщательная продуманность построения, опыт и рука монументалиста чувствуются в терракотовых проектах И. Мартоса.

Е. КАРПОВА,  
кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Государственного Русского музея.  
ЛЕНИНГРАД.



И. Р. Прокофьев. «Триумф Нептуна», 1877 год.



Мы продолжаем диалог с читателями, посвященный проблемам музыкальной жизни, начавший 21 марта с. г.

Микаэл Таривердиев:

## «Фагот, да не тот!»

Действительно, ситуация более чем странная. Можете ли вы представить, что рабочий дергает конкурс на завод с собственным стеклом? Я уверен, вам это и в голову не придет. Но ведь именно так обстоит дела в музыке. Даже исполнитель, доказавший свой высокий профессиональный уровень на международном конкурсе, не только сам приобретает свою «станцию», он становится перед вами более трудноразрешимым проблемой: где и как его приобрести?

Если вы будете проходить мимо музыкального магазина, загляните и убедитесь, наскольковеден предлагаемый выбор! Не обольщайтесь, увидев на полках скрипки или одиноко стоящие в углу электроорганы «Юности». Эти инструменты, возможно, и пригодны для отчетов по выполнению плана фабрик, но вряд ли вы получите удовольствие, если услышите соло Моцарта, исполненное на скрипке, купленной в магазине на Невском. Есть легенда, что когда у Паганини попнули струны, он сыграл все сочинение на одной струне. Думаю, на скрипке, выпускавшей нашей промышленностью.

Ситуация, о которой пишут в своих письмах читатели «СК», не исключительна. С проблемой приобретения инструмента сталкивается любой музыкант, независимо от того, приходится ли ему играть на виолончели или синтезаторе. Как говорится, фагот, да не тот!

Кстати, вот уже много лет в музыке для кино, в эстраде широко применяются звуковые инструменты, появившиеся в результате развития электроники, компьютерной техники — электронные музыкальные инструменты. Это направление может кому-то нравиться, кому-то не нравиться, но оно существует. Но мой взгляд, в нем запечатлены безупречные возможности для творческого самовыражения, для эксперимента. Но электронными инструментами дела обстоят еще хуже. На-

пример, оркестр кинематографии распоряжается однократным синтезатором, двадцатипятилетней давности. И это при том, что ежегодно в мире появляются сотни новых моделей. Ни на телевидении, ни на радио, ни в Доме звукозаписи нет элементарного набора студийных электронных инструментов, необходимых для записи современных эстрад. О каком же ее развитии может идти речь?

В других странах распространены домашние студии, которые помогают решать композиторам творческие проблемы, связанные с эстрадой, музыкой к кинофильмам и театральным постановкам. Есть и у нас несколько собственных звуковых лабораторий (в одном из номеров журнала «Огонек» была помещена фотография Алексея Рыбникова в своей студии). Но трудно предположить, что обречены человек, даже композитор с таким именем, как Рыбников, решившийся на подобный эксперимент! Не это уходит годы. Ведь для работы необходимо приобрести два-три синтезатора, компьютер, многофункциональный магнитофон с микшерским пультом и ряд других аксессуаров для обработки звука. Ничего из перечисленного не было, нет и не окажется в наших магазинах.

И никогда ни одному профессиональному композитору подобные инструменты в аренду не сдаются. Где же он должен все это брать? У переносчиков и спекулянтов за двойные, тройные цены. Инструментов, в которых нуждается весьма ограниченный круг профессионалов, нужно не так уж много. Неужели Министерство культуры не может помочь в решении этой проблемы? Почему деньги плавят в карманы дельцов?

Молодой композитор должен приходить на радио, телевидение уже с готовой фонограммой. И он приходит. Эфир, кинематограф заполнены звучанием тембров электромузыкальных инструментов.

## «МУЗЫКАЛЬНЫЙ РЕЗОНАНС»

«Обращаюсь к вам для того, чтобы предупредить: я приступаю к покупке валюты на черном рынке. Для того, чтобы потом легальным путем купить на нее электронный синт-аккордеон фирмы «Фарфориза», никакими словами — новый стакон вместо старого, на котором часто хочется производить продажу на мировом уровне качества.

В письмах в разные ведомства в просьбе помочь мне обменять соответствующее количество валюты для приобретения электронного синт-аккордеона — инструмента, аналога которому нет в нашей промышленности. Не для блюзовых, а для работы он мне нужен. Из переписки в уксии, что приобретение синт-аккордеона официально путем невозможна.

В. КАЛИСТОВ,  
солист музыкально-эстрадного объединения  
Всероссийского общества слепых,  
лауреат международного конкурса.  
МОСКВА.

«Есть в сфере музыкальной жизни старая, за-

ущущенная проблема — обеспечение музыкальных

профессиональных коллективов высококачествен-  
ной звукоснимательной аппаратурой, инстру-  
ментами. В подавляющем большинстве случаев

музыканты должны сами решать свои проблемы,

тратить на это тысячи своих рублей, отказывая  
себе во многом. Кроме того, купить все это

можно только у спекулянтов. Почему там об-  
стоит дело?»

Б. ЮРОВ,  
преподаватель Донецкого музыкального  
училища.

А. ЗАПОЛЬСКИЙ,  
лауреат Всеесионального конкурса,  
концертмейстер симфонического оркестра.

Л. МИНИН,  
редактор музыкальных программ Донецкого  
телевидения и еще 48 подиумов.  
ДОНЕЦК.

мавтов. Почему? Да потому, что здесь вновь вступает в действие закон дефицита. Организуются подпольные студии, в которых за плату, и немалую, можно сделать «фирменную» фонограмму, даже записать музыку в фильм. Небоги в частную студию, однако, так же, как и услуги компьютерных аранжировщиков, мало что дают для творчества. Ведь только эксперимент, поиск привнесет и подлинно творческим достижениям.

И наконец, что делать молодым композиторам, которые не имеют возможности не только создать свою студию, но и платить за аренду частной (стоимость одной сцены в такой студии — 150—200 рублей)? Не первый год идут разговоры вокруг организации экспериментальной студии при Союзе композиторов. С ее созданием мы опоздали ровно настолько, сколько существуют электронные звучания, а не настех сделанные записи, могут привнести в творчество.

Недавно я узнал, что Министерство культуры с этого года прекратило импорт клаинических электронных инструментов из социалистических стран. Как мне известно, это вызвано тем, что отечественная промышленность выпускает аналогичные образцы, имеющие более высокие технические параметры. Не знаю, так ли это — никто из музыкантов не имеет возможности познакомиться с этими образцами. Информации никакой не было, также как и нет в свободной продаже так высокой оценкой продукции. Не могут их приобрести и профессиональные коллективы филармоний. В частных же студиях представлена новейшая аппаратура лучших фирм — «Гамма», «Городня», «Корса». Министерство культуры СССР ежегодно приобретает такую аппаратуру. Правда, в музейных коллекциях. На всю страну — немногим более одного десятка комплектов. Кто и за какие заслуги получает эту аппаратуру — критериев здесь нет. Как правило, ее получают эстрадные исполнители, причем они получают не только звуковую, но и записывающую. Но, как говорится, получают — и хорошо. Я ни в коем случае против этого не возражаю. Но почему не могут получить другие? Ведь дефицит хороших инструментов создает еще и дефицит здоровых деловых отношений. Публикация статьи «Дальны и струны» в «Правде» подтверждает это.

Музыкант стремится играть на первоклассном инструменте, отнюдь не из снобизма. Для него это вопрос профессиональной полноценности. Если у него нет хорошего инструмента — он не может достичь своей замыслы до слушателя, его не пригласят на записи, он не пройдет по конкурсу в оркестре. Он заведомо обречен на вторые роли.

В 1919 году была создана Государственная коллекция музыкальных инструментов. В ее основе — частные собрания меценатов. Возможно, приобретая инструменты для своих коллекций, они думали лишь о своем престиже. Но мы-то сегодня должны заботиться и приумножать престиж отечественной культуры. Почему бы сегодня не подумать о создании коллекций инструментов, в которых были бы представлены все виды — от стариных до народных, современных электронных. Думаю, от этого выиграют все — и музыканты, и публика, и отечественная культура. А редакция перестанут получать письма, подобные тем, что мы сегодня прочитали.

Дежурная по рубрике  
В. КОЛОСОВА.

## НЕТЕРПИМОСТЬ...

того прошлого года после «нелепейшего, низкокорпорного скандала», который затянулся главному режиссеру один из актеров, в Молодежном театре работала комиссия Министерства культуры УССР. (Характерно, что в бытые годы никакими письмами и жалобами привлечь высокое министерское внимание к положению в театре не удавалось). Выводов своих руководству театра комиссия, между прочим, не сообщила, но дала понять, что они не лестны. Таким образом, вместо того, чтобы локализовать наметившиеся в труппе противоречия, разрешить их открыто, в manner d'ostentation, развернуть в материалах, органах культуры фигуры умоляющих лишь подзарядки противоречующие стороны.

События между тем настали. В ноябре прошлого года работники ДК Метростроя, в зале которого играет Молодежный театр, с целью, какую невозможno уяснить, во главе с директором ДК А. Григорьевым, выразились в помещении, где хранились декорации по многим спектаклям, и устроили там сущий погром. Крупные деятели украинской культуры: председатель правления СТД, народный артист УССР Сергей Данченко, народная артистка СССР Ада Роговцева и другие обратились по этому поводу с открытым письмом к работникам и служащим Киевского метрополитена. Публикация этого письма в «Вечернем Киеве» тотчас была поставлена в вину Лесю Танюку: зачем, дескать, тянуться с такой мощной и влиятельной организацией... Не лучше ли, как в прошлые годы, замять дело мирно и полюбовно. Вообще обвинявшие главного режиссера аппелировали к общественности неизменно расценивались в культурных веерах города по меньшей мере как непротестная наивность, это же надо до такой степени уверовать в гласность и перestroйку... А точнее, воспринимались в качестве раздражающей настырности, — опять все газеты полны Танюка!

А между тем это самое культурное ведомство продолжало подсыпывать общественности все новые поводы для пересудов о Молодежном театре и Танюку. Во второй половине февраля начальник Главного управления культуры Киевского горисполкома Н. Безверхий подписал приказ, отменяющий намеченные на апрель гастроли Киевского молодежного во Львове, а также предписывающий «срочно проконтролировать выбор нового состава художественного совета».

Позвольте, возникнет вопрос, по чем же плох «старый» состав худсовета, утвержденный тем же Н. Безверхим всего лишь три месяца назад? Ныне министр культуры объясняет корреспондентам, что согласно положению о театральных худсоветах в них может быть не более двадцати процентов посторонних, не работающих в театре людей. В Молодежном же их было целых двадцать семь процентов — два доктора наук, два веселосоюзных известных поэта, один прозаик и тоже, кстати, доктор, критик, кандидат искусствоведения — перебор! Ну что тут возразишь? Разве то только, что законную «процентную норму» без труда можно было установить и не разогнать худсовета?

Но ведь вы понимаете, — говорит Юрий Александрович, — что Танюк со своим диктаторским замашками наименее превратить в орган своего давления на коллегиентуру. Всегда составленный им проконтролирован

Читали, конечно. Он склоняет напоминать нечто вроде манифеста, призванного сплотить труппу на общей идеально-творческой платформе, со всеми свойственными этому языку стилистическими переходами. Во всяком случае, склонности и диктаторству в этом документе, на наш взгляд, не больше, чем во всяком другом, продиктованном желаниями единства и порядка.

Интересуемся: ну в чем надо было отметить гастроли во Львове? Владдать пять лет назад в том же Львове был закрыт его спектакль по пьесе Михаила Кулиша «Вот

так погиб Гусман!», может быть, кому-то не хочется, чтобы предполагаемая премьера киевского «Минина и Пожарского» воспринялась бы как торжество неизбежной художественной справедливости?

— О каких гастролях вы говорите? — ульбается министр, — их никто не планировал. Это все фантазии Леси Степановича...

Министру неведомо, конечно, что у нас есть копия «Гастрольного удостоверения» под номером 110, то есть по всем правилам заверенного и подписанныго в министерстве документа, на основании которого Киевский молодежный симфонический симфонический оркестр собирается в апреле выступать во Львове. Да и афиши, выпущенные и предстоящие поездки, мы раскладываем.

Не скрывая недовольства, что неизвестность была так скоропостижно уволната Танюка, даже не дав ему возможности выступить в своем архиве, Танюк и отмечает, что неизвестно, кто же виноват в том, что Танюк не выступил в своем архиве. Танюк и отмечает, что неизвестно, кто же виноват в том, что Танюк не выступил в своем архиве.

Самое же досадное в том, что в борьбе юношеских, в стаконии самолюбий, в перекрестном обмене хлесткими рецензиями, в бесконечном составлении коллективных писем и в суматошном пикировании министерских кабинетов наземето искажаются из поля зрения и отходят в тень интересы собственно искусств, творческого поиска, художественного покоя.

На это похоже, что теперь эти самые уязвленные зрители, учёные, студенты, литераторы, журналисты, сотрудники многочисленных киевских НИИ пишут гневные, протестующие письма в «Советскую культуру», в культурные и иные

новинки, в которых участвуют звезды сценической сферы?

Замечательный украинский поэт, первый секретарь правления Киевской писательской организации Иван Драч назвал то, что произошло в Молодежном театре, «борьбой краинской тараканьей».

Но хорошо, что Танюк не торопился и ничего, никто из них не подстегивал. Ну что вы сравниваете, говорят нам, ведь коллектива разделился! Что есть, то есть — почти надвое. Страны накалились. Партнеры по сцене и друзья в жизни ныне между собой еще здороваты. У противников Танюка численный перевес, зато среди сторонников — наиболее маститые артисты труппы: народная артистка УССР Алла Бурлюк, известная по многим фильмам заслуженная артистка УССР Раиса Недашковская, памятный широкому зрителю по картине «Грачи» заслуженный артист УССР Ярослав Гаврилюк. Вот ведь как получается: этим оставшимися в меньшинстве опытным, разных постановщикам повидавшим на своем веку авторам интересно творческое креативное, даже неизвестное Танюку, тем же, что составила большинство, благодаря голосам семи юных, только прошлой осенью вступивших в труппу артистов. Невероятно. Впрочем, объективности ради следует признать, что среди свергнутых главаря членов труппы тоже есть признанные мастера, например заслуженный артист УССР Валерий Шелепитко. К слову сказать, в обоих поставленных Л. Танюком спектаклях он играл главные роли и пользовался успехом у публики и признанием среди критиков.

...Не принуди бог разбирать театральные конфликты! Слушаешь экспансивные, страстные, чрезвычайно убед

# ГЛАЗА ИСТОРИИ

Какая для поэта самая дорогая, самая главная книга! Конечно же, последняя. Ну, может быть, еще будущая, ненаписанная. Для Андрея Вознесенского книга «Ров», несомненно, пока самая любимая. В ней стихи впервые не услышанные читателем, мысли и чувства, с которыми он долгое время по существу находился один на один.

## Интервью у поэта

— Андрей Андреевич, обычно мемуары пишут в конце жизни, а не в период интенсивного творчества. И белые пятна «выводят» историки, в то время. Почему «Ров» выстроен в жанре современных мемуаров?

— Сейчас нам всем необходимы точные факты истории. Увы, время показало, что одни историки с этим не справились. Сегодня для художника факт порой говорит не меньше, чем метафора. В основу последней книги легла поэма «Ров», написанная по следам известного теперь преступления, когда в Крыму вскрывали захоронения жертв гитлеровского геноцида, чтобы вырывать золотые коронки зубов. Песни по этой поэме ставят многие студии. В замыслах Николая Губенко — искренне интересуются поэзией в Театре на Таганке. Этот фрагмент, казалось бы, частный случай, привлек внимание к нравственному состоянию общества в целом. Книга я старалась писать не высоким стилем, а работал фантами-символами, которые по тем или иным причинам нами до сих пор до конца не осознаны. А без такого осознания ни человек, ни все общество не могут двигаться вперед. Сам факт — страшная истина.

— Стойте, а почему «Ров» выстроен в жанре современных мемуаров?

— Для тех, кто не доверяет историкам, это было очевидно. Ведь надо же! Договорились до того, что печально называли Арал о «шибкой природы». Себя губители моря считают. Во мне судьба Арала стала для вас сегодняшней самой большой точкой?

Через год она свернет ему шею. Набычай, он обиженно протянул: «Нет, пусть прочитает».

— Когда я дошел до строк: «Какая пепельная стужа сковала б Родину мою! Моя замученная маза, что пела б в лагерном краю!» — зал-ародил затих. В те дни, теряя контроль над процессом, Глава уже давал в политическом коде. Читая, я, как обычно, отбивал ритмы поднятой рукой. Когда кончили, раздалисьробкие хлопки в зале. «Агент! Агент!» — закричал в зал премьер. «Ну вот, агента зовут, сейчас меня заберут!» — подумалось. А он все кричал, но уж тоном иначе, видно, выпустив пар: «Вы что руку поднимаете? Вы что, на путь указываете? Вы думаете, вы вождь?» Он взмок от полуносового края, рубашка прилипла темными пятнами. Но он и не думал передыхать.

— Ну теперь, агент, покажулю склад! Очакрыв в красной рубашке, агент империалистов, короткий пухлый палец тыкал в угол зала, где сидел молодой художник Ильярion Голицын, потомок князей, ученик Фаворского. Он-то, оказывается, и хлопал мне...

Я потом долго не мог уразуметь, как в одном человеке сочетались и добрые надежды 60-х годов, мощный замах преобразований, и тормоза старого мышления, это купеческое самодурство».

Думалось, одна из ошибок Хрущева в том, что он не доверял интеллигенции. Все свои ошибки за хозяйственными неудачами он вымещал не на своих соратниках, а на художниках и поэтах. Помню в зале обескураженные лица Олега Ефремова, Ю. Завадского, когда он кричал на меня.

Мне рассказывали, как Н. С. Хрущев топал ногами на тоненькую Алигер. Как ирохотная старушка Шагиня ушла пешком с его дачи, выдернувшись из ушей слуховой аппарат, чтобы не слышать того, что премьер кричал ей вслед. никто не посыпал ей дать машину.

Мало читая сам, он оценивал с чужих слов, доверился научникам и интриганам. Трагедия с романом «Доктор Живаго» написана ими же. Хрущев не доверял демократизации, не позволяя народу самому судить о сталинских преступлениях, он разрешил это лишь себе в кругу высших элиты.

Хрущев — в истории фигура трагичная. Его доклад на XX съезде — акт безоглядного риска и чести. Кстати, пора доклад обнародовать. Люди должны знать истину. Да и доклад Бухарина на I съезде писателей надо опубликовать.

— Очень важно, что наименее перестройки начались с духовного возрождения. Со снятием запретов на художественную литературу, с возрождением вечных ценностей, вечных истин.

Хочется, чтобы на всегда остались в прошлом командный тон. Каков, по-вашему, видят творческой интеллигенции в перестройке?

— Когда миллионы людей по утрам становятся в очередь за газетами о художественной литературой, они голосуют за гласность, они обретают не только факт, но и метод художника, новый взгляд на вещи. Именно он, этот новый взгляд, метод, заимствованный у художника или писавшего под его влиянием, позволяет кому-то стать гением в социологии, философии, экономике, политике. Сегодняшний новый климат откровенности сказался прежде всего неслыханной для нас свободе публицизации.

— Выход книги «Ров» совпал с еще одним важным событием — с избранием вас в академию Гончаров. Ставите ли вы теперь в своем творчестве более академичный?

— Это, конечно, приятно. Рад, что вторым членом академии избран американский прозаик Уильям Стайрон. Но дай бог, чтобы книга «Ров» воспринималась «читателями» антиакадемично, чтобы она помогла конкретно сегодняшней демократизации.

— Ты, кто вспоминает искренне. Доброта поражает зло, чтобы зло стало меньшим.

Под большинством стихов в книге нет даже названия. По какому принципу вы формировали сборники?

— В этот сборник я взял в основном так называемые сегодняшние гражданственные стихи в прозе и те, которые были написаны задолго до перестройки. Некоторые из них я долгие годы не мог извлечь, написавши одно за другое с большим, кто-то в каком-то с гневом?

— Ты, кто вспоминает искренне. Доброта поражает зло, чтобы зло стало меньшим.

Под большинством стихов в книге нет даже названия. По какому принципу вы формировали сборники?

— В этот сборник я взял в основном так называемые сегодняшние гражданственные стихи в прозе и те, которые были написаны задолго до перестройки. Некоторые из них я долгие годы не мог извлечь, написавши одно за другое с большим, кто-то в каком-то с гневом?

— Ты, кто вспоминает искренне. Доброта поражает зло, чтобы зло стало меньшим.

Под большинством стихов в книге нет даже названия. По какому принципу вы формировали сборники?

— В этот сборник я взял в основном так называемые сегодняшние гражданственные стихи в прозе и те, которые были написаны задолго до перестройки. Некоторые из них я долгие годы не мог извлечь, написавши одно за другое с большим, кто-то в каком-то с гневом?

— Ты, кто вспоминает искренне. Доброта поражает зло, чтобы зло стало меньшим.

Под большинством стихов в книге нет даже названия. По какому принципу вы формировали сборники?

— В этот сборник я взял в основном так называемые сегодняшние гражданственные стихи в прозе и те, которые были написаны задолго до перестройки. Некоторые из них я долгие годы не мог извлечь, написавши одно за другое с большим, кто-то в каком-то с гневом?

— Ты, кто вспоминает искренне. Доброта поражает зло, чтобы зло стало меньшим.

Под большинством стихов в книге нет даже названия. По какому принципу вы формировали сборники?

— В этот сборник я взял в основном так называемые сегодняшние гражданственные стихи в прозе и те, которые были написаны задолго до перестройки. Некоторые из них я долгие годы не мог извлечь, написавши одно за другое с большим, кто-то в каком-то с гневом?

— Ты, кто вспоминает искренне. Доброта поражает зло, чтобы зло стало меньшим.

Под большинством стихов в книге нет даже названия. По какому принципу вы формировали сборники?

— В этот сборник я взял в основном так называемые сегодняшние гражданственные стихи в прозе и те, которые были написаны задолго до перестройки. Некоторые из них я долгие годы не мог извлечь, написавши одно за другое с большим, кто-то в каком-то с гневом?

— Ты, кто вспоминает искренне. Доброта поражает зло, чтобы зло стало меньшим.

Под большинством стихов в книге нет даже названия. По какому принципу вы формировали сборники?

— В этот сборник я взял в основном так называемые сегодняшние гражданственные стихи в прозе и те, которые были написаны задолго до перестройки. Некоторые из них я долгие годы не мог извлечь, написавши одно за другое с большим, кто-то в каком-то с гневом?

— Ты, кто вспоминает искренне. Доброта поражает зло, чтобы зло стало меньшим.

Под большинством стихов в книге нет даже названия. По какому принципу вы формировали сборники?

— В этот сборник я взял в основном так называемые сегодняшние гражданственные стихи в прозе и те, которые были написаны задолго до перестройки. Некоторые из них я долгие годы не мог извлечь, написавши одно за другое с большим, кто-то в каком-то с гневом?

— Ты, кто вспоминает искренне. Доброта поражает зло, чтобы зло стало меньшим.

Под большинством стихов в книге нет даже названия. По какому принципу вы формировали сборники?

— В этот сборник я взял в основном так называемые сегодняшние гражданственные стихи в прозе и те, которые были написаны задолго до перестройки. Некоторые из них я долгие годы не мог извлечь, написавши одно за другое с большим, кто-то в каком-то с гневом?

— Ты, кто вспоминает искренне. Доброта поражает зло, чтобы зло стало меньшим.

Под большинством стихов в книге нет даже названия. По какому принципу вы формировали сборники?

— В этот сборник я взял в основном так называемые сегодняшние гражданственные стихи в прозе и те, которые были написаны задолго до перестройки. Некоторые из них я долгие годы не мог извлечь, написавши одно за другое с большим, кто-то в каком-то с гневом?

— Ты, кто вспоминает искренне. Доброта поражает зло, чтобы зло стало меньшим.

Под большинством стихов в книге нет даже названия. По какому принципу вы формировали сборники?

— В этот сборник я взял в основном так называемые сегодняшние гражданственные стихи в прозе и те, которые были написаны задолго до перестройки. Некоторые из них я долгие годы не мог извлечь, написавши одно за другое с большим, кто-то в каком-то с гневом?

— Ты, кто вспоминает искренне. Доброта поражает зло, чтобы зло стало меньшим.

Под большинством стихов в книге нет даже названия. По какому принципу вы формировали сборники?

— В этот сборник я взял в основном так называемые сегодняшние гражданственные стихи в прозе и те, которые были написаны задолго до перестройки. Некоторые из них я долгие годы не мог извлечь, написавши одно за другое с большим, кто-то в каком-то с гневом?

— Ты, кто вспоминает искренне. Доброта поражает зло, чтобы зло стало меньшим.

Под большинством стихов в книге нет даже названия. По какому принципу вы формировали сборники?

— В этот сборник я взял в основном так называемые сегодняшние гражданственные стихи в прозе и те, которые были написаны задолго до перестройки. Некоторые из них я долгие годы не мог извлечь, написавши одно за другое с большим, кто-то в каком-то с гневом?

— Ты, кто вспоминает искренне. Доброта поражает зло, чтобы зло стало меньшим.

Под большинством стихов в книге нет даже названия. По какому принципу вы формировали сборники?

— В этот сборник я взял в основном так называемые сегодняшние гражданственные стихи в прозе и те, которые были написаны задолго до перестройки. Некоторые из них я долгие годы не мог извлечь, написавши одно за другое с большим, кто-то в каком-то с гневом?

— Ты, кто вспоминает искренне. Доброта поражает зло, чтобы зло стало меньшим.

Под большинством стихов в книге нет даже названия. По какому принципу вы формировали сборники?

— В этот сборник я взял в основном так называемые сегодняшние гражданственные стихи в прозе и те, которые были написаны задолго до перестройки. Некоторые из них я долгие годы не мог извлечь, написавши одно за другое с большим, кто-то в каком-то с гневом?

— Ты, кто вспоминает искренне. Доброта поражает зло, чтобы зло стало меньшим.

Под большинством стихов в книге нет даже названия. По какому принципу вы формировали сборники?

— В этот сборник я взял в основном так называемые сегодняшние гражданственные стихи в прозе и те, которые были написаны задолго до перестройки. Некоторые из них я долгие годы не мог извлечь, написавши одно за другое с большим, кто-то в каком-то с гневом?

— Ты, кто вспоминает искренне. Доброта поражает зло, чтобы зло стало меньшим.

Под большинством стихов в книге нет даже названия. По какому принципу вы формировали сборники?

— В этот сборник я взял в основном так называемые сегодняшние гражданственные стихи в прозе и те, которые были написаны задолго до перестройки. Некоторые из них я долгие годы не мог извлечь, написавши одно за другое с большим, кто-то в каком-то с гневом?

— Ты, кто вспоминает искренне. Доброта поражает зло, чтобы зло стало меньшим.

Под большинством стихов в книге нет даже названия. По какому принципу вы формировали сборники?

— В этот сборник я взял в основном так называемые сегодняшние гражданственные стихи в прозе и те, которые были написаны задолго до перестройки. Некоторые из них я долгие годы не мог извлечь, написавши одно за другое с большим, кто-то в каком-то с гневом?

— Ты, кто вспоминает искренне. Доброта поражает зло, чтобы зло стало меньшим.

Под большинством стихов в книге нет даже названия. По какому принципу вы формировали сборники?

— В этот сборник я взял в основном так называемые сегодняшние гражданственные стихи в прозе и те, которые были написаны задолго до перестройки. Некоторые из них я долгие годы не мог извлечь, написавши одно за другое с большим, кто-то в каком-то с гневом?

— Ты, кто вспоминает искренне. Доброта поражает зло, чтобы зло стало меньшим.

Под большинством стихов в книге нет даже названия. По какому принципу вы формировали сборники?

— В этот сборник я взял в основном так называемые сегодняшние гражданственные стихи в прозе и те, которые были написаны задолго до перестройки. Некоторые из них я долгие годы не мог извлечь, написавши одно за другое с большим, кто-то в каком-то с гневом?

— Ты, кто вспоминает искренне. Доброта поражает зло, чтобы зло стало меньшим.

Под большинством стихов в книге нет даже названия. По какому принципу вы формировали сборники?

— В этот сборник я взял в основном так называемые сегодняшние гражданственные стихи в прозе и те, которые были написаны задолго до перестройки. Некоторые из них я долгие годы не мог извлечь, написавши одно за другое с большим, кто-то в каком-то с гневом?

— Ты, кто вспоминает искренне. Доброта поражает зло, чтобы зло стало меньшим.

</div



